

Гости номера

Наталья КОЖЕВНИКОВА

Н а т а л ь я Юрьевна Кожевникова родилась в Бузулуке. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт, работала главным хранителем фондов Бузулукского краеведческого музея, собственным корреспондентом, заместителем главного редактора газеты «Южный Урал». Ныне – главный редактор журнала «Гостиный Дворъ». Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических книг, публикаций в журналах «Москва», «Наш современник», «Подъём», «Простор», «Дон» и др.; газете «День литературы», альманахе «День поэзии XXI

век» (Москва). Лауреат областной Аксаковской премии (1992), премии журнала «Москва» (1993), Всероссийских литературных премий «Капитанская дочка» (1997), «Соколики русской земли» (2011), им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2012), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2015), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2015). Живёт в Оренбурге.

Сумерки

П. Краснову

Речка плывёт, под ногой
Зыблется чёрное дно.
Берег дрожащий, другой
Сгинул в тумане давно.
Нету ни света, ни тьмы,
Ухает птица в дупле.
Страшные мстятся холмы –
Что за печаль на земле?
Листья колеблет роса.
Горше, тревожней закат!
Чьи там звучат голоса,
Чёрные тени парят?
Кто-то вздохнёт на ходу:
«Знаю, да знать не хочу!»
Вывесит в небе звезду,
Словно затеплит свечу.
«Время идёт иль стоит?» –
Хочется крикнуть. В ответ
Вычертит быстрый болид
В небе стремительный след.

Часы

Он упал на промёрзшую землю
без стога.
Бой ушёл на восток, где уж тут
хоронить...
Мне из дедова дома досталась
икона
И часы, что давно разучились
ходить.
Жизнь летела стремглав,
то в страстях,
то в печали,
Божье око во тьме не давало
пропасть.
А часы в запылённом футляре
молчали,
Не желая надменного времени
знать.

Воробьиная ночь
спать вчера не давала,
А прошла – ах, какая же синь
разлилась
Над привычною мглой
городского квартала –
Словно новая жизнь в этот миг
родилась!
Распрямилась пружина
изжитого горя,
И капель застучала
в далёких лесах –
Это маятник, громко со временем
споря,
Сам собой закачался
в оживших часах...

В борю

Шагнёшь в него – лишь зной
и тишина.
Шалфеем дышит день,
грозою далёкой.
И кажется, вот-вот грядёт
она,
Сверкнёт с небес молниеносным
оком,
Над речкой громыхнёт и стихнет
враз,
Уплыв за лес тяжёлой
тучей-тенью...
Цветы стоят, не закрывая
глаз,
Прислушиваясь к каждому
мгновенью,
Свистят стрижи и падают
в закат,
Что в сумраке горит
уже нездешнем.
О, с кем они там тихо
говорят
На птичьем
языке своём безгрешном?

И радостно друг друга
узнавать
По шёпоту травы,
по гулу грома,
И если здесь останусь
зимовать,
В сосновой зыбке буду я,
как дома...

Как тянет туда,
где лишь ветер забвенья
В песках первозданных,
и зримо мгновенье.
Где вечные сосны
над светлой рекою
Стоят, истекая медовой смолою.
Как долго они воскресали из пепла,
Как медленно песня росла в них
и крепла.
И вот расплескались
над светлой рекою,
И сердце живое забилося с тоскою
О том, что исчезло,
да вряд ли и было,
Что душу томило,
что жадно любило,
И стало песком и водой перекастной,
Незыблемым лесом,
зарёю закатной...

Вот она, горечь разлуки
С красной опавшей листвою!
Тянет ко мне ветви-руки
Клён, что посажен тобой.
Весь в ожиданье ухода,
В оледенелом плену.
В озере синь небосвода
Медленно тонет ко дну.
Свиток свой в сумрачных звёздах
Жизнь размотала уже.

Господи, где же взять роздых
Грешной безмолвной душе?
Ветер во тьме, как награда,
Вдаль улетает, забрав
Всё сумасшествие сада,
Всё одиночество трав...

Плач

Шалью пуховой закроюсь до пят,
Ветры метельные в поле вопят.
Гляну в окошко – ни света, ни зги,
Мечутся в воздухе вихри пурги.
Нежитью белой дома замело,
Очи затмило и руки свело.
Все наши клятвы
на майском крыльце
Спрятаны в памяти, словно в ларце.
Жизнь пролетела, как летняя ночь.
Кудри развились и выросла дочь.
В печке, смирясь, догорают дрова.
Дым восояси уносит слова.
Женское счастье, что алый выюнок
Вспыхнет,
вплетённый в венчальный венок.
Брошенный после неловкой рукой.
Вниз поплывёт серебристой рекой.
В ряби речной изомнутся уста,
Белая роща до дрожи пуста...

Здесь, за рекой – другое время,
Летит и бьётся в небо семя,
Рассеяв сладкую пыльцу.
И мы ни в чём не виноваты,
Когда, зелёной тьмой объаты,
Стоим опять лицом к лицу,
О дне и ночи не гадая,
Когда трепещет грудь нагая,
И ветер вдруг сбивает с ног.
Когда немеют в жажде губы,
Когда уже объяття грубы,

И словно яд – любовный слог...
Раздался гул над тихой кручей –
То самолёт вонзился в тучи,
Качнулось небо под рукой.
Там, вдалеке, уже смеркалось.
Но в жарком мареве осталось
Другое время за рекой!

Так и было – летала,
смеялась и пела,
Да о взгляд твой лучистый
во мгле укололась.
И навеки запомнила – а не хотела –
Твои жёсткие руки, улыбку и голос.
Обманулась? Да поздно.
Иль время настало
Обмануться, пропасть,
стать доступней и проще?
Зря печалились птицы
в кустах краснотала,
И звенели осины
в серебряной роще.
Ни к чему больше гордость,
раздумья и жалость,
Униженья, усмешки,
проклятья любые.
Лишь бы руки твои в темноте
не разжались,
Лишь бы в небе дрожали
слова голубые!..

Возьми меня как птицу золотую,
Влетевшую в твой мир, и приголубь.
Я женщина твоя, и я тоскую
Без рук твоих и сумеречных губ.
Бунтую и сама себя караю,
Я пламя твоё трогаю рукой
Бесстрашно – и сама на нём сгораю,
Теряю всё – печали и покой.
Глаза не закрывай, а я закрою –

Так стыден, так блаженен этот миг,
Когда за шуткой, ласкою, игрою
Мелькнёт любви
жестокосердный лик,
Сжигающий законы и одежды,
Пленяющий – да Бог ли ей судья?
И все твои сомненья и надежды
Качает моя белая ладья.
Я женщина твоя, и всё отныне
Твоей зарёй и тьмой освящено –
Твои эдемы, горы и пустыни,
Потерь печальных горькое вино...

Диалог

...Не к добру тебя смутила,
не к добру ты мне явился,
Ниоткуда вышло солнце
и скатилось в никуда.
И когда с усмешкой лёгкой
рядом ты остановился,
Мне б уйти в луга глухие,
затаиться от стыда!
...Разве ты смогла б исчезнуть,
разве я бы смог иначе
В обездвиженном пространстве
жить, себя бы не виня?
Мне одно сегодня нужно –
чтобы в радости иль плаче
Никогда бы не сумела
ты отречься от меня!
...В небе сумрачном опасно,
и звезда летит на ощупь.
Бор полночный тих и страшен,
зги не видно, я одна!
Помню, как во тьме такой же
у погибшей в топи рощи
К нам обратной стороною
повернулась вдруг луна.
...Это просто совпадение
дня и ночи, тьмы и тени,
Майской медленной метели
среди сосен напролёт.

Знаю, ласточкой замёрзшей,
залетевшей утром в сени,
Мне душа твоя явилась
и во мне теперь живёт.
...Не держи её без воли,
не нужна – отдай обратно,
Мне в печали мёд не сладок,
речка донная без дна!
...Ты прости меня, родная,
я скажу тысячекратно,
У меня была и будешь
ты, печальная, одна...

Обильный край,
благословенный!
Хранилище земных
богатств!
Не вечно будешь ты,
забвенный,
Служить для пастырей
и паств!

«Послание в деревню»,
С.Т. Аксаков, 1830 г.

Да, всё сбылось, поэт печальный
Был прав. И где она, любовь
К родному? С песнею прощальной
Летит ковылистая новь.
Глядит в отравленные воды
И негодует лик небес.
Так называемой свободы
Плоды выросли. И продан лес.
Степные сырты и увалы
Пусты. Такие времена!
Зверей испуганных изгнали
Чужие словно племена.
Крадётся всё без проволочек,
Точат иконы реки слёз.
И где тот аленький цветочек
Из дивных сказок, детских грёз?
Не дай, Господь, возненавидеть
Толпы безудержную власть,

Отчизны чёрный год увидеть,
В провалы времени упасть!
Всю жизнь среди томов и строчек,
Во тьме полуночных полей
Искать мне аленький цветочек,
Скорбеть над родиной своей...

Девяностый псалом

Живый в помощи будет идти
до конца,
До креста, осенённый незримым
крылом.
В дни скорбей и страстей
от сетей, от ловца
Нас спасает во тьме
девяностый псалом.
Дни короче, чем сны,
ночи плачут навзрыд,
Лёгкой дымкой мерцает
грядущего свет.
Всё останется здесь –
ни суда, ни обид,
Ни сует – в тёмной бездне
забывчивых лет.
Лишь любовь, как свеча,
в уходящем былом...
И взыскупая, и плача о ней,
и молясь,
Ждём её... А во тьме
девяностый псалом
Ищет жизни и смерти
мгновенную связь...

Декабрь.
Время кружит в пространстве
Над месяцем, в небе стоящем.
И мир не живёт в постоянстве,
И прошлого нет в настоящем.
Вся жизнь
Словно эта дорога

В скольжении белого дыма,
Где всё – от безумства и Бога
До странности необъяснимо.
Любовь –
Разве кто о ней знает?
Придёт и уйдёт, словно небыль.
А время опять улетает
Навеки – в открытое небо.

Я именинница апреля.
И ночами,
Тайком от всех,
Привыкла слышать за плечами

Неясный смех,
Смятенный шёпот,
восклицанья,
ропот вешний...
И сквозь ладонь
Смотреть на солнечный,
нездешний
Скупой огонь.
Он, вдохновенный, от всего,
что сердце точит,
От злобы дня,
От всех возможных одиночеств
Спасёт меня...